

2.2. Прекрасен, как цветок гибискуса

— Апчхи!

Пэй Ситин потёр нос и включил в голове «урезанную версию навигатора», доставшуюся ему от «Пэй Ситина», и направился на заднюю улочку Янлю, что на проспекте Дунмао.

Так называемая «задняя улица» — это дорожка у озера, идущая за рядом павильонов и строений слева от улицы Янлю. «Павильон Мандаринов», одно из трёх крупнейших цветочных заведений Йэцзина, стоял здесь: трёхэтажное красное здание, благоухающие занавеси, россыпь огней. По соседству — лавка драгоценностей и магазин косметики, удобные для «сопутствующих» трат.

У чёрного хода «Павильона Мандаринов» дремал на смене мальчишка-слуга. Пэй Ситин подошёл и окликнул:

— Братишка.

Тот даже не успел открыть глаза — вскочил мгновенно, словно машинка, сработавшая по ключевому слову, и пробормотал отточенным тоном:

— Да сопутствуют вам благие тучи, да озарит путь ваш радость и богатство! Чем могу служить, господин?

— Мне нужен Цин Линлин. Просто передай ему: «Горные цветы».

«Пэй Ситин» был человеком с социальной тревожностью, не любил общаться, держался в себе. Настоящих друзей у него почти не было. А Цин Линьлинь, знакомый всего-то год, уже считался первым из них.

Картина «Горные цветы» родилась в прошлом году, когда Пэй Ситин встретил Цин Линьлиня за городом. Кругом — россыпи диких цветов, юноша и горные цветы стоят в самом расцвете. Цин Линьлинь не понимал живописи, но впервые увидел себя на чужом рисунке — без похотливого, безвкусного взгляда. Это было так ценно, так необычно, что он сохранил картину как сокровище. С тех пор они и сблизились. Конечно, о связи их знают единицы.

Глаза у привратника уже успели полностью проснуться. Перед ним стоял человек, чьи очертания на фоне света выглядели почти сияющими, белизна кожи словно светилась. Если бы не сладострастная музыка сверху, мальчишка решил бы, что видит бессмертного из сна.

— Понял, — подавив удивление, сказал он, уперев руки в бока. — Подождите чуть-чуть, этот ничтожный слуга сейчас же поднимется и передаст.

Пэй Ситин подождал. Когда мальчишка спустился обратно, во взгляде его появилась подчеркнутая почтительность: видно было, что он решил, что гость — какой-то скрытный небожитель, ибо Цин Линьлинь обычно принимал только истинных любимцев судьбы.

Привратник провёл Пэй Ситина в комнату посреди третьего этажа. На резной двери не было вывески — значит, сейчас тот, кто внутри, гостей не принимает.

Он постучал:

— Господин Цин, ваш почтенный гость прибыл.

Затем поклонился Пэй Ситину:

— Господин Цин велел передать: заходите прямо так. Я спущусь вниз.

— Спасибо, — Пэй Ситин автоматически потянулся за вознаграждением, но, сунув руку в рукав, обнаружил, что оба пусты: ни монетки, ни бумажки.

Он не подал виду, убрал руку и толкнул дверь.

— Эй, чего это ты сразу к дверям? Не боишься, что тебя демоны сожрут, не успев переступить порог?

Бусины занавеси зазвенели, и оттуда показался прекрасный юноша — свежий, как цветок гибискуса. Он прищурился, глядя на него. Пэй Ситин повернулся влево:

— Братец Цин.

«Пэй Ситин» был старше Цин Линьлиня на год, поэтому наедине они обращались друг к другу как братья.

— Вовремя пришёл. Я последние дни занимался пением, почти не выходил. А то ты мог бы меня и не застать... Что у тебя с шеей?

Первое, что привлекло взгляд Цин Линьлиня, — странный «шарф» Пэй Ситина. Сочетание синего и фиолетового было откровенно уродливым. Подойдя ближе, он увидел, как тот сдёрнул тряпку — и на белой шее открылись отпечатки пальцев, ещё более заметные.

Цин Линьлинь глубоко вдохнул:

— Кто это сделал?

— Всё в порядке, — сказал Пэй Ситин.

— В порядке твоя задница! У тебя и голос охрип. Быстро — воды! — Цин Линьлинь налил ему стакан, усадил на место и полез в шкаф за коробочкой с мазью. — Что случилось? Говори. Если могу — помогу!

Пэй Ситин медленно сделал глоток.

— Не смей недооценивать меня только потому, что я проститут. Я, между прочим, самая дорогая проститутка во всём Йэцзине, — сказал Цин Линьлинь, аккуратно смазывая ему шею, но болтая без умолку. — И знаю я кое-кого. Если честно, наши «большие беды» для сильных мира — что кунжут и просо. Им достаточно одного слова, чтобы всё уладить.

Он слишком хорошо знал характер Пэй Ситина и потому сказал:

— Хватит упрямиться. Не бойся меня утруждать и терпеть всё в одиночку. Говори быстрее! Хотя мы знакомы всего год, я считаю тебя другом. Если у тебя проблемы — я сделаю всё, что могу, чтобы помочь.

Да, он действительно выкладывался полностью. Пэй Ситин смотрел на юношу перед собой. В середине и конце оригинального сюжета, то есть уже в следующем году, когда «Пэй Ситин» наконец решился бежать из Йэцзина, именно Цин Линьлинь помог ему покинуть город. Но что они могли противопоставить шайке мерзавцев-гунов?

Вскоре после бегства обоих поймал Шангуань Цзе. В ярости он решил, что у этих двоих роман, и сразу же выхватил меч, чтобы изуродовать «обольстительное» лицо Цин Линьлиня, а затем приказал «прелюбодеям» публично «позабавиться», унизив их до последней степени.

«Пэй Ситин», конечно же, стал отрицать все: он пал на колени перед Шангуань Цзе, стучаясь лбом о землю, признавая вину и умоляя пощадить Цин Линьлиня. Но Цин Линьлинь понимал: Шангуань Цзе его не отпустит. Потеряв лицо, он больше не сможет вернуться в Павильон Мандаринов. Он не хотел быть униженным зря — и не хотел тянуть «Пэй Ситина» за собой. Возможно, были и другие, не столь явные причины... но он прикусил язык и покончил с собой на месте. «Пэй Ситина» схватили и увезли обратно. Другой мерзавец сломал ему ноги и запер...

— Эй! Ты что, онемел от страха?! — Цин Линьлинь, видя молчание Пэй Ситина, решил, что тот снова упрямится. Он со злостью шмякнул банку с мазью на стол. Вскочил, развернулся и пошёл прочь: — Не хочешь говорить — и не надо! Иди и сдохни где-нибудь!

— Шангуань Цзе, — сказал Пэй Ситин.

— Кто? — Цин Линьлинь плюхнулся обратно, ошеломлённо вытаращившись. — Маленький-тиран из особняка господина Чанина?

Пэй Ситин холодно произнёс:

— «Маленький ублюдок» подходит ему больше.

Он выругался! Цин Линьлинь был поражён, а затем выпалил:

— Да какая разница, черепаха он или черепаховый ублюдок?! Вонючий кусок собачьего дерьма! Вы же никогда даже не пересекались. Как ты его умудрился спровоцировать?

— Он хочет переспать со мной.

Цин Линьлинь взвизгнул так, что стекло могло треснуть:

— ЧТО!!!

— ...Не получилось, — спокойно добавил Пэй Ситин, прикрывая уши, которые за последние несколько минут страдали уже не в первый раз. Проникающая сила голоса Цин Линьлиня была поразительной — певец, что сказать.

Цин Линьлинь грохнул по столу:

— Ублюдки! Им что, всех борделей мало?! Ты хоть законный сын чиновника, как он смеет?!

— Достаточно, чтобы большой чин раздавил меньшего. А уж Пэй... — Пэй Ситин чуть отвернулся. — Отец не слишком мной дорожит.

Он мягко нажал через рукав на руку Цин Линьлиня:

— Не бей так — руку ушибаешь.

Только теперь Цин Линьлинь почувствовал онемение и боль. Вскрикнув, он подскочил к умывальному столику, смочил полотенце и приложил к ладони.

Вернувшись на место, он услышал:

— Я пришёл, потому что хочу сказать тебе одну вещь.

С детства выживавший за счёт умения угождать, Цин Линьлинь обладал острым глазом. С самого начала ему казалось, что брат Пэй сегодня иной — и к этому моменту чувство стало особенно явственным.

Не только в интонации и выражении лица, но и в тех красивых, но чуть потускневших глазах, где лёд вдруг треснул, и из глубины показался свет синего озера — свет, в котором мерцал холодок.

— Что ты сказал? — растерянно спросил он.

— С этого дня мы больше не общаемся.

Пэй Ситин торопливо добавил, прежде чем Цин Линьлинь взорвался:

— ...Только с виду.

Пламя, вспыхнувшее над головой Цин Линьлиня, моментально погасло. Он всё понял.

— Боишься, что меня втянут?

Пэй Ситин кивнул:

— Шангуань Цзе знает о нашей дружбе. Если он попытается давить на меня через тебя или втянуть тебя в неприятности, мы сейчас не в состоянии сопротивляться.

Кроме того... нужно остерегаться ещё двух человек. Схватка «трое против одного» будет тяжёлой.

— Это просто. В конце концов, у таких, как мы, сердца нет, — фыркнул Цин Линьлинь. — Если Шангуань Цзе придёт ко мне, я скажу, что брезгую тобой: бедный, скучный, и знаться с таким — себе дороже. Принцу Нину я всё ещё не наскучил, так что Шангуань Цзе не посмеет меня тронуть.

Он взглянул на шею Пэй Ситина, и его тонкие брови, лишь слегка подкрашенные для грима, сдвинулись:

— Но что собираешься делать ты?

— Мне нужна твоя помощь. Но сейчас я, возможно, не смогу отплатить тебе... — Пэй Ситин очень дипломатично подбирал слова, чувствуя, как над головой Цин Линьлиня снова начинается разгораться «Истинное Пламя Самадхи». — Мне нужна твоя помощь.

Лицо Цин Линьлиня просияло.

— Говори.

— Ты говорил, что готовился петь? — спросил Пэй Ситин.

— Сегодня день рождения министра юстиции, господина Мэй Цзяна. Он любит мою песню «Западная горница» и попросил меня исполнить её сегодня вечером в его резиденции, — Цин

Линьлинь замолчал. — Хочешь, я попрошу у него награду?

Пять лет назад ничем не примечательный седьмой сын из особняка господина Цинъюаня внезапно поднялся, словно перепрыгнул через драконьи ворота, получил благосклонность наследного принца и опередил всех ровесников клана. Сейчас он уже создал свою собственную сеть влияния и стал важной фигурой в Восточном дворце — министром юстиции третьего ранга.

В Йэцзине Мэй Цзян — такая шишка, что даже Шангуань Цзе должен его опасаться.

Пэй Ситин покачал головой:

— Мэй Цзян не боится Шангуань Цзе, но ради нас рисковать не станет. Я хотел спросить, можешь ли ты провести меня с собой в резиденцию Мэй. Если нет — забудь, я что-нибудь придумаю. Только не отдавай свою голову*.

Цин Линьлинь поинтересовался, что значит «отдавать голову», фыркнул:

— Можешь пройти. Но раз ты понимаешь, что господин Мэй не станет ссориться с Шангуань Цзе ради нас, зачем вообще хочешь его видеть?

— Если я с ним не увижусь, он никак не поможет, — сказал Пэй Ситин. — Шангуань Цзе — молодой наследный господин. Пока у нас не окрепнут крылья, чтобы сбить его с ног и заставить давиться собственной дрянью, мы можем лишь опереться на тех, кто сильнее.

— На такие бёдра трудно взобраться. Толще, чем тысячелетний гинкго в монастыре Баохуэй, — пробормотал Цин Линьлинь и с сомнением взглянул на Пэй Ситина. — Ты что, от страха помешался и уже гредишь? Если совсем плохо, я пойду умолять принца Нина.

Пэй Ситин сразу заметил, что в конце фразы Цин Линьлинь прикусил губу — явно храбрился. Он покачал головой:

— В делах с хозяином нельзя забывать об осторожности. Иначе хозяин рассердится — и дело пойдёт прахом.

Цин Линьлинь удивлённо вытаращил глаза:

— С виду ты знаешь многое. А раньше был таким невежественным.

Пэй Ситин не стал отвечать напрямую:

— Просто я не хочу сидеть сложа руки.

Он облокотился на стол, опустив лицо на тыльную сторону ладони. Его ресницы, словно чёрные крылья ворона, отбрасывали две тени под глазами, оставляя лишь тусклый, непонятный огонёк. Он не улыбался, но и не был холоден — всё же от него веяло каким-то смутным холодком. Это напомнило Цин Линьлиню принца Нина: пусть тот и повеса, но истинный аристократ. Стоило ему стать серьёзным — и окружающих пробирал страх. Но Пэй Ситин никогда так не выглядел, вернее, слово «давление» к нему никак не подходило.

Неужели в него вселился призрак? Или Шангуань Цзе напугал его «до безумия»?

Пэй Ситин не знал, что в голове Цин Линьлиня уже сложилась веерообразная диаграмма: три доли испуга, три — подозрительности, две — тревоги и две — облегчения. Он тихо сказал:

— Думаю, что бесполезная борьба всё же отличается от бездействия в ожидании конца.

Смерть и умирание — тоже вещи разные.

Причина, по которой Пэй Ситин так мало держался за жизнь, была проста: он вовсе не рвался оставаться в этом мире, да ещё в таком, где он полный чужак... мире без острого соевого мяса.

Поэтому если судьба «Пэй Ситина» — умереть раньше срока, от болезни, поперхнуться водой или упасть на ровном месте, он был бы счастлив жить как солёная рыба: делать то, что нравится, бродить с мольбертом по миру и умереть там, где захочется.

Но всё пошло не так, как должно было.

Пэй Ситин не собирался принимать ни опыт, ни конец «Пэй Ситина». Он обязан защитить себя.

И тут внезапно чей-то палец ткнул его в щёку.

Цин Линьлинь настороженно смотрел на него. Палец ткнул снова, потом начал тереть, сжимать — от подбородка к ушам, к носу. Наконец его обладатель с облегчением выдохнул:

— Это не маска из человеческой кожи.

— ...Если бы я не был настоящим Пэй Ситином, ты бы сейчас сам выдал себя врагу, — Пэй Ситин слегка улыбнулся. — А потом мне пришлось бы убить тебя ради тишины.

— Но ты же настоящий! — глаза Цин Линьлиня загорелись. — Ты и правда изменился. Раньше ты был боязлив, как кролик.

Пэй Ситин приподнял бровь:

— Кролики кусаются, когда им прижмёт.

— Вот и должен кусаться! Иначе тебя загрызут! — Цин Линьлинь был в восторге, абсолютно доволен, полон решимости помочь. Он хлопнул по столу: — Раз уж ты всё решил — я с тобой. Но кого ты хочешь увидеть?

— Того, кто заставит Шангуань Цзе бояться и повиноваться, — ответил Пэй Ситин.

— Его отца? Исключено. — Цин Линьлинь покачал головой. — Оба они не из хороших людей. Да и отец давно его не контролирует — каждый день ругается с этим маленьким зверем. К тому же господин Мэй холоден по натуре. Хотя у него день рождения, на пир он много кого не позовёт. С особняком господина Чанина он не связан, а раз встреча частная — Шангуаней точно не будет. Но вот кого он пригласит... я даже представить не могу.

Хотя Цин Линьлинь радовался переменам в Пэй Ситине, полностью спокойным он не был. Всё же кролик, даже укусив, остаётся кроликом. Он не удержался и добавил ещё пару слов.

— Спасибо за заботу. Но я не собираюсь искать родителей этого зверя, его братьев, сестёр или вообще весь их выводок, — Пэй Ситин опустил глаза. — Я ищу хозяина, перед которым этот зверь поползёт на коленях.

— Слишком толстое бедро, — пробормотал Цин Линьлинь. Кандидатов было всего несколько, но подумав о них он боялся. — И как ты собираешься за него ухватиться?

Пэй Ситин был спокойным оптимистом:

— Если получится — ухвачусь. Если нет — он пришибёт меня на месте, и дело с концом.

Цин Линьлинь отпрянул:

— Так это я тебя что, к Яньвану отправляю?!!

— Если владыка Яньван велел мне умереть рано утром, кто посмеет забрать меня ночью? — Пэй Ситин постучал пальцами по столу и лениво добавил: — Возможность перед нами. Глупо её упускать.

*в играх, таких как League of Legends, «отдать голову» значит позволить сопернику убить себя

<http://bllate.org/book/11881/1061200>